

МАРКСИСТСКО-
ЛЕНИНСКОЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ

И
СОВРЕМЕННАЯ
НАУКА

89-5

1875₂

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Всесоюзный дом политического просвещения
при ЦК КПСС

МАРКСИСТСКО- ЛЕНИНСКОЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Ответственный редактор
доктор философских наук
Е. Ф. СОЛОПОВ

Москва «Наука» 1989

Такая концепция была разработана на основе ленинского теоретического наследия по крестьянскому вопросу, и это еще раз подчеркивает действенность марксистско-ленинской теории.

Революция продолжается, политическое и методологическое богатство ленинских идей социалистического преобразования села позволит разбудить созидательную энергию масс, создать полнокровную трудовую жизнь колхозной деревни.

Темы докладов, рефератов

1. Ленинская идея союза рабочего класса и крестьянства как условия построения социализма в СССР.
2. В. И. Ленин о сложности перехода (приобщения) крестьянства к социализму.
3. В. И. Ленин о методах партийной работы в деревне.
4. В. И. Ленин о кооперации как форме перехода к социализму.
5. XXVII съезд КПСС о дальнейшем совершенствовании ленинского кооперативного плана.
6. XXVII съезд КПСС и современные проблемы развития села.

М. И. Панов

ПОЧЕМУ ПЛЕХАНОВСКАЯ КРИТИКА А. А. БОГДАНОВА НЕ СРАБОТАЛА?

Несколько лет назад на одном из семинарских занятий по философии с аспирантами механико-математического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова возник вопрос: а зачем, мол, мы так много внимания уделяем изучению ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм», если для критики воззрений А. А. Богданова вполне достаточно аргументов, выдвинутых Г. В. Плехановым в его работе «Materialismus militans» («Воинствующий материализм»)? Пришлось разобрать этот вопрос, а в дальнейшем, в последующие годы, я уже целенаправленно обращал внимание аспирантов на эту проблему. Постепенно проблема затягивала: пришлось обстоятельно перечитать ленинские письма, работы Плеханова и Богданова, многочисленные рецензии на книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», помещенные в качестве приложения к XIII тому второго издания сочинений В. И. Ленина, — все это и позволило подготовить этот набросок.

1. Действительно ли Г. В. Плеханов критиковал А. А. Богданова «в кредит»?

Плеханов критически анализировал основные философские произведения Богданова в самых различных своих работах. Это были и отдельные замечания в статьях, рецензиях, критические

высказывания при обсуждении рефератов, письма коллегам, но имеется и несколько работ, посвященных разбору философских заблуждений основателя «эмпириомонизма». Главный среди этих трудов — «Воинствующий материализм (ответ г. Богданову)». История написания этой книги (состоящей из трех обширных «писем») необычна. Богданов буквально напрашивался на то, чтобы Плеханов всерьез принял за его философские творения, в завершение даже обратившись с «Открытым письмом т. Плеханову», в котором было выдвинуто несколько обвинений. Самое грозное (по мнению Богданова) было в том, что Плеханов целых три года полемизирует с эмпириомонизмом в кредит, а самым комичным — то, что Плеханов называет Богданова господином, а не товарищем. Плеханов начинает разбор с последнего вопроса: «„Титул“ господина в моем обращении к Вам Вы считаете оскорблением, делать которое Вам я не имею права. По этому поводу спешу уверить Вас, м^илостивый^г г^осударь^г, что в мои намерения никогда не входило оскорблять Вас. Но Ваше упоминание о *праве* дает мне повод думать, что, по Вашему убеждению, именованье Вас товарищем входит в число моих социал-демократических *обязанностей*. Но — суди меня бог и наш центральный комитет! — я такой обязанности за собою не признаю. Не признаю по той простой и ясной причине, что *Вы мне не товарищ*. А не товарищ Вы мне потому, что *мы с Вами являемся представителями двух прямо противоположных мирозерцаний*. И, поскольку речь идет для меня о защите моего мирозерцания, Вы являетесь по отношению ко мне не товарищем, а самым решительным и самым непримиримым противником. Зачем же я буду лицемерить? Зачем я буду придавать словам совершенно ложный смысл?»¹

С таким же сарказмом Плеханов отвечает на обвинение со стороны Богданова в том, что якобы он, Плеханов, делал в своих работах прозрачные намеки на то, что основателя «эмпириомонизма» следовало бы «повесить» или хотя бы «выслать» из пределов марксизма. Плеханов возражает следующим образом: «Если бы кто-нибудь вознамерился поступить с Вами таким образом, то он прежде всего натолкнулся бы на полную *невозможность* выполнить свое строгое намерение... Никакой идеологический помпадур не имел бы возможности „выслать“ из пределов данного учения такого „мыслителя“, который находится *вне этих пределов*. А что Вы находитесь именно вне пределов марксизма, это ясно для всех тех, которые знают, что все здание этого учения покоится на *диалектическом материализме*, и которые пони-

¹ Плеханов Г. В. Materialismus militans (ответ г. Богданову) // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: В 5 т. М., 1957. Т. 3. С. 203. «Товарищами же я называю только людей, держащихся моего образа мыслей и делающих то дело, за которое я взялся задолго до того, как появились у нас бершштейншанцы, махисты и прочие „критики Маркса“» (Там же).

мают, что Вы в своем качестве убежденного махиста на материалистической точке зрения не стоите и стоять не можете»².

Прежде чем воспроизвести аргументы Плеханова, показывающие уход Богданова за пределы марксизма, сделаю два замечания. Первое касается причин долгого «терпения» Плехановым богдановских нападок.

Конечно же, Плеханов уделял известное внимание критике конкретных ошибочных воззрений Богданова в рецензиях, статьях, но это были замечания «по поводу» (хотя только выписок таких «замечаний» наберется на целый том хрестоматии). Но, видимо, Плеханов надеялся на сдерживающую силу своей критики «априори» (об этом подробнее в следующем разделе). Вот как, например, объясняет его молчание по отношению к основателю «эмпириомонизма» Б. В. Богданов: «Плеханов вначале, вероятно, надеялся, что уже сказанного им в предшествующих выступлениях в печати о существовании марксистской философии (особенно в связи с защитой им диалектики против неокантианства) вполне достаточно для того, чтобы надолго отбить охоту ко всякого рода „критическим дополнениям“ материалистической диалектики идеями из той или иной буржуазной философии»³.

Второе замечание касается характера работ А. А. Богданова. Когда речь идет о его основном философском произведении — «Эмпириомонизм» в трех томах — то кажется, что это нечто фундаментальное, строго продуманное и написанное по единому плану, что-то наподобие гегелевской «Науки логики». В действительности же эти тома — сборники статей, причем достаточно разнообразных, разнохарактерных или даже не связанных между собой. Вот, например, структура второй (наиболее часто цитируемой как в «Воинствующем материализме», так и в «Материализме и эмпириокритицизме») книги, состоящей из трех статей: «„Вещь в себе“ с точки зрения эмпириомонизма»; «Психический подбор (Эмпириомонизм в учении о психике)», структурно разделенная на два раздела: «А. Основы метода» (в свою очередь, разбитый на три параграфа «1. Схема психоэнергетики», «2. Схема психического подбора», «3. Схема ассоциаций») и «В. Применение метода иллюстраций»; наконец, третья статья — «Две теории жизненности».

Почему на эти детали обращается внимание? Мне кажется, что подобная разностильность издания воспринималась многими читателями не как недостаток, а как достоинство. В самом деле, можно было ограничиться отдельным фрагментом, а создавалась иллюзия вхождения в материал, так как каждая отдельная статья — это в общем-то законченное целое.

Теперь, по существу, Богданов (согласно Плеханову) не просто отвергает материализм, он еще делает это трусливо, не признаваясь в этом прямо и явно. Плеханов пишет: «Вы, г. Богда-

² Там же.

³ Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX — начале XX века. М., 1984. С. 194.

нов, можете назвать свой идеализм марксизмом; однако Вы не сделаетесь от этого материалистом-диалектиком. И чем усерднее будете Вы применять к делу свою новую „тактику“, тем заметнее будет не только то, что Ваши философские взгляды совершенно непримиримы с диалектическим материализмом Маркса—Энгельса, но — что гораздо хуже — еще и то, что Вы просто-напросто не в состоянии понять, в чем заключается главная отличительная черта этого материализма»⁴. Вторым доводом в пользу философской беспринципности основателя «эмпириомонизма» Плеханов считает многочисленные нападки Богданова на точку зрения самого Плеханова как якобы последователя Гольбаха, т. е. сторонника ограниченного (с точки зрения новейшего естествознания XX в.) материализма XVIII столетия. Плеханов задается вопросом: «Если в 1905 г. Вы называли меня последователем Энгельса, то теперь Вы аттестуете меня учеником Гольбаха. На каком основании? Только на том, что ваша новая „тактика“ предписывает Вам не признавать меня марксистом»⁵.

Значительное внимание Плеханов уделяет сопоставлению богдановских идей и точки зрения диалектического материализма (в лице Ф. Энгельса). Конечно, подобный подход мог показаться догматическим, взглядом «назад». Но выполнена эта работа была добротной и не оставляла ни тени сомнения в том, что воззрения творца «эмпириомонизма» со взглядами основоположников диалектического материализма не совпадают.

Ну а как же Плеханов реагировал на богдановские претензии идти в ногу с веком? Другими словами, какова, по его мнению, связь идей «эмпириомонизма» с эмпириокритицизмом? Именно разоблачение этой связи — одна из целей создания «Воинствующего материализма» и одна из заслуг первого марксиста России. Плеханов заявил: «...Я решил, что мы, марксисты, должны дать решительный отпор не только новому евангелию от Анатолия (Луначарского.— М. П.), но и не новой уже философии от Эрнста (Маха), более или менее приспособленной Вами, г. Богданов, для нашего русского обихода. И только поэтому я принял за ответ Вам»⁶. Выявлению связи Мах—Богданов посвящено практически полностью второе «письмо», составляющее «Воинствующий материализм». Причем очень важно тщательное выявление общности гносеологических корней махизма (а через него — и «эмпириомонизма») и философии Дж. Беркли и Д. Юма.

Плеханов пишет: «Материальными предметами (телами) мы называем такие предметы, которые существуют независимо от нашего сознания и, действуя на наши чувства, вызывают в нас известные ощущения, в свою очередь лежащие в основу наших

⁴ Плеханов Г. В. Materialismus militans. С. 213.

⁵ Там же. (Плехановскую аргументацию, показывающую несостоятельность попыток объявить его отدانым «в ученье к барону Гольбаху», см.: Там же. С. 213—217, 223—225, 248, 265).

⁶ Там же. С. 209.

представлений о внешнем мире, т. е. о тех же материальных предметах, а равно и об их взаимных отношениях.

Этого, пожалуй, довольно. Скажу еще лишь вот что: Мах, «философию» которого Вы, м. г., считаете «философией» естествознания XX века, *целиком стоит в интересующем нас вопросе на точке зрения идеалиста XVIII столетия Берклиа*. Он даже и выражается почти так же, как этот достойный епископ. «Не тела вызывают ощущения,— говорит он,— а комплексы элементов (комплексы ощущений) образуют тела. Если физику тела кажутся чем-то постоянным, действительным, а „элементы“ — их мимолетным преходящим отражением, то он не замечает того, что все „тела“ суть лишь логические символы для комплексов элементов (комплексов ощущений)»⁷.

Показывая гносеологические истоки воззрений Богданова, Плеханов рассматривает вопрос о взаимосвязи идей Д. Юма и Э. Маха⁸, показывает наличие солипсизма в концепциях Э. Маха и Р. Авенариуса⁹. Большое внимание Плеханов уделил прослеживанию обратной взаимосвязи в цепочке «Мах—Богданов», т. е. дополнений, привнесенных в махизм «эмпириомонизмом». Плеханов подчеркивает: «„Даже там, где Вы мните себя независимым от своего учителя, Вы только портите его, *оставаясь совершенно верным его духу*, так что весь Ваш „эмпириомонизм“ представляет собою не более, как приведение к *явному абсурду* того, что оставалось абсурдом в *потенции* (absurdum ap sich, как сказал бы Гегель) у Вашего учителя. Какая же это самостоятельность? Где же тут хоть намек на независимость?»¹⁰

Общий вывод Плеханова о взаимосвязи махизма и «эмпириомонизма» таков: «Прекрасно дополнили Вы Маха, г. Богданов! Я не шутя говорю это. Мах, как физик, все-таки сбивался иногда на материализм: я это показал во втором своем письме к Вам с помощью нескольких наглядных примеров. В этом смысле Мах грешил дуализмом. Вы исправили его погрешность. Вы сделали его философию идеалистической от альфы до омеги»¹¹. Не резко

⁷ Там же. С. 228—231. Далее Плеханов приводит цитату из книги Э. Маха, который, определяя свое отношение к И. Канту, писал: «С величайшей благодарностью я должен признать, что именно его критический идеализм был исходным пунктом всего моего критического мышления. Но оставаться верным ему я не могу. Очень скоро я снова вернулся ко взглядам Берклиа, сохранившимся в более или менее скрытом виде в сочинениях Канта. Через исследования в области физиологии органов чувств и изучение Гербарта я пришел к взглядам, близким к взглядам Юма, но сочинений самого Юма в то время еще не знал. Я и в настоящее время считаю Берклиа и Юма гораздо более последовательными мыслителями, чем Кант». Приведя эти слова Маха, Плеханов делает вывод: «Выходит, стало быть, что нет дыму без огня. Да еще какого огня: тут перед нами, можно сказать, настоящее пламя! На самом деле махизм есть лишь берклиизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет „естествознания XX века“» (Там же. С. 261).

⁸ См.: Там же. С. 224.

¹⁰ Там же. С. 266.

⁹ См.: Там же. С. 223.

¹¹ Там же. С. 295.

ли сказано? Нет ли здесь одностороннего преувеличения? Вместо ответа напомним только слова В. И. Ленина из письма А. М. Горькому 24 марта 1908 г., т. е. написанные в то же самое время (разумеется, совершенно независимо), что и оценка Г. В. Плеханова. Ленин писал: «Я бы не поднял шума, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К²⁰), что книга их — нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов *всецело* прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это *конкретно*, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему*»¹².

Высокая оценка плехановских работ, посвященных критике Богданова, прозвучала в первую очередь из уст тех, кто, отстаивая в философии идеи диалектического материализма, в области политической являлся меньшевиком. Так, Л. И. Аксельрод писала Плеханову 30 декабря 1908 г. из Петербурга: «После долгих поисков я, наконец, достала (только на днях) „Голос социал-демократа“ и прочла окончание¹³ Вашего блестящего ответа Богданову. Говорили мне, что здесь этот ответ произвел большое впечатление»¹⁴.

По поводу этой же второй части «Воинствующего материализма» А. М. Деборин сообщал Плеханову 20 октября 1908 г. из Ковно: «Ваше второе письмо Богданову я непременно прочту; мне уже доставят его. Я послал Вам книжку Богданова: „Приключения одной философской школы“. Может быть, она пригодится Вам для Ваших писем, хотя нового Вы в его брошюре ровно ничего не найдете. Это краткий пересказ его известных уже Вам „мыслей“ и „обвинений“»¹⁵.

А. М. Деборин подчеркивал значение плехановской работы «О так называемых религиозных исканиях в России» (в которой шла речь о критике воззрений А. А. Богданова, А. В. Луначарского, А. М. Горького) следующим образом: «Ваша статья о религиозных исканиях была мною прочитана с величайшим интересом. Такие работы сейчас нужнее всего. Вы, по обыкновению, захватываете вопрос очень широко, и это придает Вашим работам неувядающее значение»¹⁶.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 151.

¹³ Речь идет о втором «письме», так как третье «письмо», являющееся окончанием «Воинствующего материализма», было опубликовано Плехановым только в 1910 г. Задержка была вызвана разрывом Георгия Валентиновича с редколлегией «Голоса социал-демократа», занявшей ликвидаторские позиции.

¹⁴ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. М., 1973. Т. 1. С. 235.

¹⁵ Там же. С. 227—228.

¹⁶ Там же. М., 1974. Т. 3. С. 254.

2. «Ты этого хотел, Жорж Дантен!»
(Почему большевик А. А. Богданов не услышал
первого марксиста России?)

Казалось бы, Плеханов привел многочисленные аргументы, показывающие, что взгляды Богданова марксистскими названы быть не могли. И тем не менее его критика не была воспринята не только самим создателем эмпириомонизма (что особого удивления вызвать не может), но и очень многими российскими социал-демократами, включая и большевиков. Последнее казалось бы особенно странным — как «беки» могли не видеть неправоты Богданова? На мой взгляд, причин несколько. Во-первых, тон полемики был явно некорректный (причина не из главных, но по воздействию — одна из значительных); во-вторых, критика велась по принципу «априори», т. е. постоянно встречались заявления типа: «О неверности подобных взглядов я уже писал за несколько лет до их появления»; в-третьих, отсутствовала позитивная разработка диалектико-материалистической проблематики, в результате чего ситуация воспринималась многими так: вот позиция А. А. Богданова, а вот опровергающая ее цитата из произведения Ф. Энгельса; в-четвертых, игнорировались взаимосвязи рассматриваемой проблематики с развитием современного естествознания; в-пятых, трудно было отрешиться от политики позиции Плеханова, скомпрометировавшего себя изменой идеям II съезда РСДРП.

Мне долго не удавалось найти термин, точно определяющий стиль и манеру написания текстов Плеханова, в которых критиковалась позиция Богданова: «менторски-оскорбительный»? «снисходительно-поучающий»? «Строгое» определение «подсказал» сам Плеханов. Эта «подсказка» пришла из переписки В. И. Ленина с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом по поводу ленинской работы «Гонители земства и Аннибалы либерализма»¹⁷, направленной против П. Б. Струве. В письме Плеханову 25 июля 1901 г. Владимир Ильич подчеркивал, что он не может переменить тон этой статьи (на чем настаивал не только Плеханов, но и П. Б. Аксельрод) и не заменит резкой критики «ехидным назиданием свысока»¹⁸, как предлагал Плеханов.

Вот это и есть строгое определение манеры общения Плеханова с оппонентом — «ехидное назидание свысока». Тон, который в полемике не мог не оскорблять. Это ехидное назидание нередко переходило просто в третирование позиции Богданова и его самого как предельно ограниченного и не слишком умного человека. Вот, например, когда Богданов писал, что Плеханов, если бы мог, то предал бы его казни, тот отвечал: «Право на казнь дается та-

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 21—72.

¹⁸ Там же. Т. 46. С. 130.

лантом, а у нашего теоретика эмпириомонизма нет и следа таланта. Он недостоин казни!»¹⁹. И далее: «Вы представляетесь мне чем-то вроде блаженной памяти Василия Тредьяковского: мужем немалого прилежания, но — увы! — очень малого дарования. Чтобы возиться с людьми, подобными покойному профессору элоквенции и хитростей пиитических, нужно обладать огромной силой сопротивления скуке. У меня не так много этой силы. И вот почему я до сих пор не отвечал Вам, несмотря на Ваши прямые вызовы»²⁰. Еще один пример: «Ваши софизмы из рук вон неловки и неуклюжи. Это весьма неудобно для Вас. Поэтому я советовал бы Вам обращаться за помощью к г. Луначарскому всякий раз, когда Вы почувствуете нужду в софизмах. У него софизмы выходят гораздо более ловкими, изящными. А это гораздо удобнее для критики»²¹.

Оппонентов Г. В. Плеханова, естественно, очень задевал его менторский тон (хотя боролся он за правое дело, отстаивая материализм!). Достаточно напомнить его гротескный образ, созданный А. М. Горьким: «Когда меня „подводили“ к Г. В. Плеханову, он стоял скрестив руки на груди и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика»²². Но здесь могло наложиться раздражение от плехановской критики по поводу увлечений А. М. Горького «богостроительством». Плеханов был прав в своем анализе горьковской «Исповеди», но сделал это с убийственным сарказмом: «Он (А. М. Горький. — М. П.) проповедует то же, что и г. Луначарский. Но он меньше знает (этим я не хочу сказать, что г. Луначарский знает много);... он менее знаком с современной социалистической теорией (это отнюдь не значит, что г. Луначарский хорошо знаком с нею). Поэтому его попытка облечь социализм в ризу религиозности оказывается еще более неудачной»²³. Плеханов пытается выяснить причины теоретических ошибок великого писателя (отдавая должное его литературному таланту): «Легко сказать: М. Горький подчинился влиянию такого-то или такого-то богосочинителя, положим — г. А. Луначарского. Нужно еще выяснить то его душевное состояние, которое сделало возможным влияние на него этого богосочинителя. Ведь что такое г. А. Луначарский в сравнении с М. Горьким? Копна сена в сравнении с Монбланом. Почему же Монблан подчинился влиянию копы? Почему наш поэтический „Буревестник“ заговорил теперь мистическим языком святоши?»²⁴

¹⁹ Плеханов Г. В. *Materialismus militans* (ответ г. Богданову) // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: В 5 т. Т. 3. С. 208.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 215.

²² Горький М. В. И. Ленин // Горький М. Литературные портреты. М., 1967. С. 10.

²³ Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: В 5 т. Т. 3. С. 390—391.

²⁴ Там же. С. 402.

Критике воззрений А. В. Луначарского Плеханов придавал принципиальное значение, видя в них не только «теоретический» фундамент шатаний А. А. Богданова и А. М. Горького, но и большую опасность для рабочего движения²⁵. В подготовительных материалах «К диспуту 1907—1908 гг.» Г. В. Плеханов специально отмечает: «Бог Луначарского ... Этот бог — целое откровение. Он выводит наружу ту болезнь, которая оставалась скрытой до тех пор, пока Богданов *тредъячил* в своих статьях об эмпириомонизме»²⁶.

А. В. Луначарский в своей статье «Атеизм», опубликованной в 1908 г. в печально знаменитом сборнике «Очерки по философии марксизма»²⁷ (В. И. Ленин, как известно, считал, что в этом заголовке предлог «по» надо заменить на слово «против»²⁸), пытался обосновать цельную программу «богостроительства», якобы дополняющую марксизм, заменяя обветшалые (по мнению А. В. Луначарского) догмы материализма. А заодно он решил «посчитаться» и с Плехановым. Поэтому свою статью «Атеизм» Луначарский завершает следующим выпадом: «Сбросим ветхий плащ серого материализма. Если наши материалисты бодры и активны... то ведь это *вопреки* их материализму, а не в силу его. Так было и с их настоящими учителями-энциклопедистами. Но буржуазным разрушительным путем был материализм как резкая антитеза вредному мистицизму старого режима. Пролетариату нужен гармонический синтез, подымающий обе противоположности, претворяющий их в себе и уничтожающий их. Этого синтеза мы все посильно ищем. Может быть, мы заблуждаемся, но ищем радостно и прилежно; сердитые окрики заслуженных ветеранов-капралов нас не остановят:

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри — не вы —

ворчат капралы. „Дяденька, те умерли, а нам жить надо своим умом“. Капралы командуют:

Дружно, детки, все зараз:
Буки аз, буки аз.

²⁵ См.: Именно поэтому Плеханов столь резко высказывался, обращаясь к Богданову: «Пока Вы тредъячили в своем „эмпириомонизме“, он (А. В. Луначарский.— М. П.) выступил — наш пострел везде поспел — с проповедью новой религии, а эта проповедь может иметь гораздо большее практическое значение, нежели пропаганда Ваших будто бы философских идей» (Плеханов Г. В. *Materialismus militans*. С. 209).

²⁶ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В 3 т. М., 1974. Т. 3. С. 81—82.

²⁷ Г. В. Плеханов остроумно замечает: «Судя по содержанию этого сборника, я думаю, что в название его закралась важная опечатка. Очевидно, следует читать: „Очерки по философии *махизма*“» (Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России. С. 380).

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18.

„Дяденька, да что же все зады твердить? Пора перейти хоть к складам“»²⁹.

Одна из причин неприятия идей Плеханова — его нежелание откликаться на «сиюминутные» запросы: «Горе тому писателю, который вздумал бы „отзываться“ на все духовные прихоти капризной и первной дамы — русской интеллигенции. Взять хоть бы философские прихоти этой госпожи! Давно ли она толковала о Канте? Давно ли она требовала от нас ответа на кантианскую «критику» Маркса? Совсем недавно! Так недавно, что не износились еще те башмачки, в которых наша легкомысленная дама бежала за неокантианством. А после Канта явились Авенариус и Мах. А после этих двух Аяксов эмпириокритицизма явился Иосиф Дицген. А вслед за Иосифом Дицгеном появились теперь Пуанкаре и Бергсон. „У Клеопатры было много любовников!“»³⁰. Поэтому его полемика воспринималась как критика «априори». Здесь имеется в виду следующее. Плеханов так объясняет, почему он в течение долгого времени не обращал внимания даже на прямые выпады Богданова лично против него: «Я знаю, многие товарищи удивлялись тому, что я до сих пор не находил нужным полемизировать с Вами. Но эта старая история, остающаяся вечно новой. Еще когда г. Струве выпустил свои известные „Критические заметки“, некоторые из моих «немногочисленных тогда» единомышленников, справедливо находя эти заметки произведением человека, еще не доработавшегося до последовательного образа мыслей, советовали мне выступить против него. Советы этого рода стали еще более настоятельными, когда тот же г. Струве поместил в „Вопросах философии и психологии“ свою статью „О свободе и необходимости“. Я помню, как Ленин, увидевшись со мной летом 1900 года, спрашивал меня, почему я оставил эту статью без внимания³¹. Мой ответ Ленину был очень прост: мысли, высказанные г. Струве в статье „О свободе и необходимости“, были заранее опровергнуты мной в книге „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. Тому, кто прочитал и понял мою книгу, должно было быть ясно, в чем заключалась новая ошибка автора „Критических заметок“. С теми же, которые моей книги не прочитали или не поняли, мне толковать было некогда»³².

Но самое главное, почему большевики были на стороне Богданова, — это та политическая позиция, которую Плеханов занял после II съезда РСДРП. Ленин писал 4 ноября 1903 г. Г. М. Кржижановскому: «Суть — та, что Плеханов внезапно

²⁹ Луначарский А. Атеизм // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 160—161. Плеханов дает блестящую и убийственную до сарказма критику не только этих потуг Луначарского, но его «богостроительски-богоскательских экзерциссов» в целом. См.: Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России. С. 370—389, в разделе, специально озаглавленном «А. Луначарский».

³⁰ Плеханов Г. В. *Materialismus militans*. С. 210.

³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 15.

³² Плеханов Г. В. *Materialismus militans*. С. 210.

повернул... и подвел этим меня ... и всех нас отчаянно, позорно»³³. Через 4 дня Ленин вновь пишет ему же: «Кризис полный и страшный... я борюсь за ЦК, который мартовцы, обнаглев после трусливой измены Плеханова, тоже хотят захватить... Борьба за редакцию ЦО проиграна безвозвратно в силу измены Плеханова»³⁴. Большевикам даже пришлось дезавуировать Плеханова перед международным рабочим движением: 3 июля 1905 г. Ленин обращается в Международное социалистическое бюро: «Мне хотелось бы предупредить Вас, дорогой гражданин, что с Вашей стороны является ошибкой высылка денег г-ну Плеханову... г-н Плеханов не является более представителем партии в Международном бюро... Вам должно быть известно, что никакие соглашения нашей партии с г-ном Плехановым абсолютно невозможны...»³⁵

А вот ленинские характеристики Плеханова: «...у него тоже тьма гнусностей и жалкие аргументы» (Из письма А. В. Луначарскому, вторая декада августа 1905 г.)³⁶; «пусть этот обозлившийся доктринер лаетса себе» (Из письма А. В. Луначарскому, конец августа 1905 г.)³⁷. И вот еще одна характеристика Плеханова, которую Ленин дал в письме к Луначарскому в первой половине ноября 1907 г., в котором речь идет о необходимости «убить русский синдикализм и оппортунизм». Ленин подчеркивал: «Именно нам, большевикам, всего легче и естественнее это сделать, ибо мы в революции всего больше боролись против парламентского кретинизма и плехановского оппортунизма»³⁸. И только мы можем с революционной, а не педантски-кадетской точки зрения Плеханова и К^о, опровергнуть синдикализм, несущий с собой тьму путаницы...»³⁹

И, наконец, последняя немаловажная деталь. Первые два письма Плеханова (из трех, составляющих его книгу «Воинствующий материализм») были опубликованы в «Голосе социал-демократа», заграничном органе меньшевиков. Первое письмо — в мае—июне 1908 г., второе — в июле—сентябре того же года. Важно иметь в виду, что В. И. Ленин (совместно с А. А. Богда-

новым и И. Ф. Дубровинским) составлял редакцию большевистского органа «Пролетарий», который в 1908 г. вел решительную борьбу с меньшевиками. Ленин писал 13 февраля 1908 г. Горькому по этому поводу: «Меки выпустили здесь анонс о ежемесячном „Голосе Социал-Демократа“ за подписью Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова. Достану его и пришлю Вам. Борьба может обостриться»⁴⁰. И поэтому вполне естественно для многих большевиков плехановская критика в адрес Богданова, да еще помещенная в органе меньшевиков, воспринималась как нападки на подлинно марксистскую точку зрения⁴¹. Напомню, что Богданов благодаря своей энергии был широко известен среди «беков». Кроме того, он вместе с Лениным входил в состав редакции партийного органа «Пролетарий». Ведь широкому кругу русских социал-демократов непримиримость философских расхождений (и даже сам факт их существования!) во взглядах Ленина и Богданова не были известны.

Было бы очень печально, если бы приведенная мной принципиальная ленинская критика политических ошибок Плеханова стала восприниматься как стремление умалить заслуги последнего в целом. Необходимо постоянно помнить, как высоко ценил Ленин его вклад в развитие философии марксизма. Даже во времена серьезных политических разногласий Владимир Ильич умел найти строго адекватную оценку самым различным аспектам деятельности Плеханова, попытаться наладить с ним отношения, постараться объединить (разумеется, на марксистской основе!) усилия в борьбе против общего врага. Так, В. И. Ленин пишет П. А. Красикову 5 апреля 1905 г.: «Видели плехановский „Дневник“? Какой грустный тон резиньянции⁴². Жаль старика, сердится зря, а хорошая башка...»⁴³.

А каким уважением к Плеханову проникнуто письмо, написанное в конце октября 1905 г. (т. е. после начала всеобщей политической стачки и основания в Петербурге легальной газеты «Новая жизнь»). Ленин специально подчеркивает: «Что мы, большевики, страстно желаем работать вместе с Вами, это мне вряд ли нужно повторять Вам. Я написал в Питер, чтобы все редакторы новой газеты (пока их семеро: Богданов, Румянцев, Базаров,

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 314.

³⁴ Там же. С. 318.

³⁵ Там же. Т. 47. С. 36.

³⁶ Там же. С. 58.

³⁷ Там же. С. 62.

³⁸ Вот оценка плехановского оппортунизма, высказанная В. И. Лениным в предисловии к брошюре А. В. Луначарского об отношении партии к профсоюзам: «У нас первые шаги „думской деятельности“ тоже усилили в громадных размерах оппортунизм, довели меньшевиков до раболепства перед кадетами. Плеханов, например, фактически в своей политической обыденной работе слился с господами Прокоповичами и Кусковыми. В 1900 году он громил их за бернштейнианство, за то, что они созерцают только „заднюю“ российского пролетариата... В 1906–1907 годах первые избирательные бюллетени бросили Плеханова в объятия этих господ, ныне созерцающих „заднюю“ российского либерализма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 189).

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 115–116.

⁴⁰ Там же. С. 137.

⁴¹ Но, к чести Плеханова, следует сказать, что он придавал принципиальное значение в первую очередь философским взглядам. В письме к Ф. И. Дану 26 ноября 1908 г. он говорит о меньшевиках Валентинове, Юшкевиче как о «полумарксистской сволочи». И далее заявляет: «Я не считаю позволительным быть строже к Богданову, нежели к Юшкевичу, на том основании, что первый большевик, а второй меньшевик. Это было бы вопиющей несправедливостью, насмешкой над нашей ортодоксальностью» (Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. Т. 1. С. 233). В набросках к работе «Письма к рабочим о философии» Плеханов записал: «Я не думаю, чтоб Юшкевичем у нас (меньшевиков.— М. П.) дорожили...» (Там же. С. 94).

⁴² Видимо, от слова «résignation» — уступка, сложение с себя полномочий, покорность судьбе, смирение, безропотность.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 28.

Луначарский, Орловский, Ольминский и я) обратились к Вам с коллективной и официальной просьбой войти в редакционную коллегию»⁴⁴. При этом Ленин старается исключить все возможные причины для возникновения трудностей, разногласий, расхождений: «Вы считаете ошибочными философские взгляды трех (то есть А. А. Богданова, В. А. Базарова и А. В. Луначарского. — М. П.) из названных семи лиц. Но и эти трое не пытались и не пытаются связать эти свои взгляды с каким бы то ни было официально партийным делом. И эти трое, — я говорю не на ветер, а на основании известных мне точно фактов, — были бы чрезвычайно рады совместной работе с Вами... Политически расходиться теперь... было бы крайне нежелательно, крайне неуместно, крайне вредно для социал-демократии»⁴⁵.

Поражение первой русской революции привело к новым политическим шатаниям Плеханова и внесло новые проблемы в его взаимоотношения с Лениным. Но Владимир Ильич, даже в период сложнейших политических расхождений, ценил философские работы Плеханова, его борьбу за чистоту материализма. В известном письме к А. М. Горькому 7 февраля 1908 г. В. И. Ленин подчеркивал: «...я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириомониста Богданова и эмпириокритиков Базарова, Луначарского и др. — и все мои симпатии они толкают к Плеханову! Надо же иметь физическую силу, чтобы не давать себя увлечь настроению, как делает Плеханов! Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело. Я — за материализм против „эмпирио-“ и т. д.»⁴⁶

1909 год. Большевики борются с отзовистами, меньшевики-плехановцы — с ликвидаторами. На июньском совещании расширенной редакции «Пролетария» В. И. Ленин заявляет: «Мы в сделку с Плехановым против Луначарского не входи́ли, но мы скажем, кто с кем заигрывает. Когда Плеханов вышибает Потресова, я готов протянуть ему руку»⁴⁷. В статье «Разоблаченные ликвидаторы» (октябрь 1909 г.) Владимир Ильич воспроизводит плехановскую точку зрения на борьбу с отзовистами и ликвидаторами: «Да здравствует „генеральное межевание!“ — восклицает Плеханов, приветствуя размежевание большевиков с анархо-синдикалистами (так называет Плеханов наших отзовистов, ультимативистов и богостроителей) и заявляя, что „мы, меньшевики, должны отмежеваться от ликвидаторов“»⁴⁸. В. И. Ленин анализирует плехановскую точку зрения на «философские основания» размежевания: «Говоря о генеральном межевании у большевиков, Плеханов сравнивает большевистских марксистов, социал-демократов, с гоголевским Осипом, который подбирал всякий хлам, всякую веревочку (вплоть до эмпириокритицизма и богостроительства). Теперь большевистский Осип — шутит

Плеханов — начал ... выгонять антимарксистов, выкидывать прочь „веревочку“ и прочий хлам»⁴⁹.

Письмо к Г. Л. Шкловскому (14 октября 1910 г.) — четкая ленинская позиция по вопросу о блоке с плехановцами: «Насчет блока с Плехановым, по-моему, Вы вполне правы, что мы должны быть за блок. Я стою *всецело*, с 1909 г., за *сближение* с плехановцами. И теперь еще больше. Только с плехановцами мы можем и должны строить партию — на „впередовцев“ и „голосовцев“ давно пора махнуть рукой»⁵⁰. В письме в редакцию газеты «Правда» (конец мая 1913 г.) Ленин предупреждает: «Ультиматумы Плеханову не советую ставить: рано! может повредить!! Ежели будете писать ему, пишите любезнее и мягче. Он ценен теперь, ибо воюет с врагами рабочего движения»⁵¹. Кстати, в этом же письме Ленин оценивает статью Богданова «Идеология» как «ересь» и обещает доказать это⁵². По настоянию В. И. Ленина (богдановская работа не была опубликована «Правдой» из-за своей антимарксистской направленности).

И, наконец, итоговая ленинская оценка вклада Плеханова в развитие марксистской философии. Весьма симптоматично, что эту оценку Ленин высказывает в работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», явно противопоставляя взгляды первого марксиста России и тех, кто не понимал значения диалектики: «...уместным, мне кажется, заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма...»⁵³.

А теперь вернусь к вопросу, почему же плехановская критика в адрес богдановского эмпириомонизма не дала настоящего результата. Плеханов в качестве эпиграфа к каждому из трех писем, составляющих его «Воинствующий материализм», взял слова незадачливого моллеровского героя Жоржа Дандена, намекая, что Богданов сам напрашивался на критическую отповедь. Но, к сожалению, аргументы его, как уже говорилось, очень многими не были восприняты. Почему? О некоторых уже сказано. Но весьма немаловажно еще и то, что он, видимо, не принимал всерьез опасность, которую идеи Богданова представляли для марксизма и российского рабочего движения в целом. Не случайно Плеханов писал, обращаясь к Богданову: «...Я просто-напросто не считал нужным спорить с Вами, полагая, что сознательные представители российского пролетариата сами сумеют оценить Ваши *мудрости философические*»⁵⁴.

Плеханов пытался установить, почему переведенная им на русский язык замечательная работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах...» очень плохо расходуется. Причина, по его мнению, такова:

⁴⁹ Там же. С. 65.

⁵⁰ Там же. Т. 47. С. 275.

⁵¹ Там же. Т. 48. С. 182.

⁵² См.: Там же. С. 183.

⁵³ Там же. Т. 42. С. 290.

⁵⁴ Плеханов Г. В. Materialismus militans. С. 208.

⁴⁴ Там же. С. 103.

⁴⁵ Там же. С. 104—105.

⁴⁶ Там же. С. 135.

⁴⁷ Там же. Т. 19. С. 16.

⁴⁸ Там же. С. 62—63.

«Наша читающая публика равнодушна теперь к материализму. Но погодите радоваться этому, г. Богданов... Историческое несчастье бедной русской мысли заключается в том, что даже в периоды ее высочайшего революционного подъема ей крайне редко удается высвободиться из-под влияния буржуазной мысли Запада...»⁵⁵ В подобном-то влиянии, подчеркивает Плеханов, и лежит «разгадка того, что „Людвиг Фейербах“ Фридриха Энгельса лежит у издателя в кладовой, а жалкий Богданов печатается во многих изданиях»⁵⁶. И здесь же вновь называет Богданова «смехотворным и жалким»⁵⁷. Не случайно в своих набросках к работе «Письма к рабочим о философии» Плеханов отмечает: «„Философского“ у Богданова только слог. Сравни слова Чернышевского о слоге Лаврова (Н. Г. Чернышевский называл слог П. Л. Лаврова „туманным и головоломным“. — М. П.). Оттого вас и считают философами»⁵⁸.

Подчеркну еще раз, что Г. В. Плеханову по различным причинам и в голову не приходило, что богдановский «эмпириомонизм» может представлять хоть какую-то реальную угрозу для диалектико-материалистической философии. Но опасность существовала и была по-своему грозной!

3. «Читаю по целым дням распроклятых махистов...»

(В. И. Ленин вновь обращается к проблемам философии)

«Материализм и эмпириокритицизм» — безусловно, одно из самых выдающихся философских произведений В. И. Ленина и одновременно одна из вершин марксистской мысли в целом. Но философией В. И. Ленин, как неоднократно отмечалось, интересовался всю жизнь⁵⁹. Напомню также о неразысканных до сих пор письмах Владимира Ильича Ф. В. Ленгнику, написанных во время пребывания в Шушенском в период ссылки в 1898—1899 гг. Причем, согласно воспоминаниям П. Н. Лепешинского, письма В. И. Ленина к Ф. В. Ленгнику «иногда представляли собою целые трактаты по философии»⁶⁰. К сожалению, они были изъяты у Ленгника во время обыска в Самаре в 1901 г. и до настоящего времени не разысканы⁶¹.

Но сейчас речь идет о другом времени — периоде написания книги «Материализм и эмпириокритицизм». В. И. Ленин работал над этой книгой в феврале—октябре 1908 г. в Женеве и Лондоне, опубликована она была в мае 1909 г. в Москве издательством

⁵⁵ Там же. С. 219.

⁵⁶ Плеханов Г. В. Об изучении философии // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: В 5 т. Т. 3. С. 483.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. Т. 1. С. 93.

⁵⁹ Подробнее см.: Володин А. И. «Бой абсолютно неизбежен»: Историко-философские очерки о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1985. С. 24—30.

⁶⁰ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 442.

⁶¹ См.: Там же.

«Звено»⁶². Напомню, что Плеханов начал писать свой «Воинствующий материализм» в начале 1908 г. Первое «письмо» было опубликовано в мае—июне; второе — в июле—сентябре 1908 г., а третье, заключительное, было издано в 1910 г.⁶³ Таким образом, два выдающихся мыслителя выступили с критикой А. А. Богданова одновременно, но почему же они пришли к столь разным результатам?

О причинах, которые не позволили должным образом оценить плехановскую критику Богданова, уже говорилось. А теперь попытаюсь указать основные недостатки «Воинствующего материализма». На мой взгляд, они таковы. Во-первых, Плеханов в своей критике исходил из совершенно ложного убеждения о генетическом родстве, взаимосвязи богдановского «эмпириомонизма» с большевизмом. Не случайно Б. В. Богданов совершенно справедливо подчеркивает, что «ленинская книга „Материализм и эмпириокритицизм“ положила конец этим несостоятельным попыткам связать махизм с большевизмом»⁶⁴. Во-вторых, Плеханов, видимо, был искренне убежден, что все принципиальные положения философии диалектического и исторического материализма уже сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом. Поэтому при возникновении каких-либо сложных или неясных вопросов необходимо обратиться к соответствующим текстам. В этом смысле очень характерна его запись на одном из диспутов 1908 г. в Женеве, в котором принимал участие и А. А. Богданов. Плеханов записал: «Я считаю, что философия пролетариата уже создана, а Богданов еще ищет ее элементов у Маха»⁶⁵. В-третьих, для Плеханова было характерно «невидение», нежелание осознавать глубокую внутреннюю взаимосвязь современной философии с принципиальными по значимости результатами естествознания (и шире — науки в целом) XX столетия. Его позиция напоминала встречающуюся иногда философскую спесь (хочу быть правильно понятым — эти слова не следует понимать как неуважение, а тем более пренебрежение к первому марксисту России), когда тот или иной мыслитель заявляет: зачем мне изучать какую-либо естественную или техническую науку, если я, зная диалектику, могу вывести из ее законов ответы на все вопросы современной науки. У Плеханова такая позиция психологически даже объяснима и понятна. В самом деле, Богданов претендовал на создание философии XX в. и пытался связать ее с естествознанием при помо-

⁶² См.: Там же. Т. 18. С. 386.

⁶³ См.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: В 5 т. Т. 3. С. 715—716.

⁶⁴ Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX — начале XX века. М., 1984. С. 194. Г. В. Плеханов даже обвинял В. И. Ленина в беспринципности за участие в газете «Новая Жизнь» совместно с «эмпириомонистами». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 340.

⁶⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова: В 8 т. Л., 1938. Т. 5. С. 239. (Вторая часть фразы абсолютно верна, но первую можно понять и так, что раз философия пролетариата уже создана, то она уже ни в каком дальнейшем теоретическом развитии не нуждается.)

щи идей Э. Маха, но Плеханов показал генетическое родство махизма с воззрениями Дж. Беркли, продемонстрировав нелепость попыток объявить махизм или «эмпириомонизм» философией современного естествознания. Однако, заметим, отсюда совершенно не следует, что марксистско-ленинская философия вообще не должна анализировать проблемы современной науки и техники.

Итак, принципиальное решение, которое В. И. Ленин должен был принять, это вопрос о том, как относиться к большевику А. А. Богданову, который в философии проповедовал эмпириомонизм? Можно проследить ход ленинской мысли по его февральским (1908 г.) письмам к А. М. Горькому. Решение, которое предстояло принять, было непростым и нелегким именно в силу чисто политических аспектов: можно ли было раскалывать партию большевиков (в период после поражения революции) по такому, казалось бы, частному вопросу, как отношение к той или иной философской доктрине. Итак, ленинская позиция выглядела следующим образом: Письмо А. М. Горькому от 7 февраля 1908 г.: «Можно ли, должно ли связывать философию с направлением партийной работы? с большевизмом? Думаю, что теперь этого делать нельзя. Пусть наши партийные философы поработают еще некоторое время над теорией, поспорят и ... договорятся. Я бы стоял пока за отделение *таких* философских споров, как между материалистами и „эмпирио-“, от цельной партийной работы»⁶⁶. К философской проблематике Ленин вновь обращается в письме к тому же адресату от 13 февраля 1908 г.: «Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии. Нет, та философия, которую обосновал Энгельс в „Анти-Дюринге“, мещанства не допускает и на порог. Плеханов вредит этой философии, связывая *тут* борьбу с фракционной борьбой...»⁶⁷.

25 февраля 1908 г. вновь письмо к Горькому. Ленин формулирует свое кредо по отношению к воззрениям Богданова: «В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь, — кажется, III выпуск „Эмпириомонизма“. Летом 1906 г. он мне презентовал ее и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневверным путем, не марксистским. Я написал ему тогда „объяснение в любви“, письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснил я там ему, что я, конечно, *рядовой марксист* в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова»⁶⁸. Но даже и здесь Ленин недвусмысленно оговаривает: «И тем не менее „Пролетарий“ должен остаться абсолютно нейтрален ко всему нашему расхождению в философии, не давая читателям *ни тени повода* связывать

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 135.

⁶⁷ Там же. С. 138.

⁶⁸ Там же. С. 142.

беков, как направление, как тактическую линию революционного крыла русских социал-демократов, с эмпириокритицизмом или эмпириомонизмом... Некую драку между беками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной. Но раскалываться из-за этого было бы, по-моему, глупо. Мы заключили блок для проведения в рабочей партии определенной тактики ... Мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм, было бы, по-моему, непростительной глупостью. Мы должны подражаться из-за философии так, чтобы „Пролетарий“ и беки, как фракция *партии, не были этим задеты*»⁶⁹.

Но расхождения в области философии продолжают нарастать. Ленин пишет Горькому 16 марта 1908 г.: «Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого и матерными. А. Иннокентий (И. Ф. Дубровинский. — М. П.) ругает, и за дело, за небрежение к „Пролетарию“»⁷⁰. В другом письме Горькому (24 марта 1908 г.) Ленин заявляет: «Какое же тут „примирение“ может быть, милый А. М.? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой *абсолютно* неизбежен ... Вы пишете: меньшевики выиграют от драки. Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь, А. М.! Они выиграют, если большевистская фракция не отделит себя от философии трех беков. *Тогда* они выиграют окончательно. А если философская драка будет идти вне фракции, то меки будут окончательно сведены на политику и тут им смерть»⁷¹.

В. И. Ленин, создав «Материализм и эмпириокритицизм», выбил один из главных козырей из рук меньшевика Г. В. Плеханова. Более того, Владимир Ильич в многочисленных письмах к сестре А. И. Ульяновой-Елизаровой (через которую шла корректура книги) категорически настаивал на том, чтобы не смягчать резких выражений ни против эсера Чернова, ни против меньшевика Юшкевича, ни против большевика Богданова⁷². «Эмпириомонизм» не просто был теоретически уничтожен, главное, всем стало ясно, что он не имеет никакого отношения к большевизму, и большевики словами В. И. Ленина заявили об этом открыто и прямо.

Второе принципиальное обстоятельство, которое качественно отличает «Материализм и эмпириокритицизм» от «Воинствующего материализма», — это то, что Ленин не считал для себя возможным ограничиться только защитой принципиальных положений диалектического и исторического материализма, внесенных в философию Марксом и Энгельсом. Он целенаправленно строил свою работу как труд, в котором марксистская философия под-

⁶⁹ Там же. С. 143—145. (Но философский конфликт еще не сказывается на личных отношениях: 27 февраля В. И. Ленин пишет теплое письмо А. В. Луначарскому по поводу «Пролетария». См.: Там же. С. 146.)

⁷⁰ Там же. С. 148.

⁷¹ Там же. С. 151—152.

⁷² См.: Там же. Т. 55.

нималась на качественно новую ступень, давая четкие ответы на те вопросы, которые встали перед ней в ходе научной революции.

И, наконец, третье (по порядку, но не по значимости!) качественное отличие ленинской книги от работы Плеханова состоит в ее направленности на осмысление самой этой новейшей революции в естествознании, выявление гносеологических причин кризиса, который поразил физику в начале XX в. Джон Бернал совершенно справедливо подчеркивал: «...В. И. Ленин испытывал глубокий интерес к фундаментальным философским аспектам науки, особенно физической. Он принимал активное участие в большой дискуссии между атомистами и энергетиками в начале нашего столетия, бывшем периодом острых и конструктивных споров ... В. И. Ленин никогда не занимался этими дискуссиями походя, между прочим, он всегда выкинул в самую суть их. Это был период написания труда „Материализм и эмпириокритицизм“, в котором В. И. Ленин характеризует работы Э. Маха, В. Освальда, А. Пуанкаре и А. А. Богданова как имеющие общую антиматериалистическую направленность...»⁷³

Чеканно звучит принципиальный по методологической значимости ленинский вывод: «Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм»⁷⁴.

Как была воспринята ленинская книга? Рецензии А. И. Аврамова, М. Булгакова, И. А. Ильина, Л. И. Аксельрод помещены в качестве приложения к «Материализму и эмпириокритицизму» во втором издании Сочинений В. И. Ленина⁷⁵. Остановлюсь подробнее на рецензии, написанной Л. И. Аксельрод. Это своего рода психологический феномен, который долго не давал мне покоя: когда же Аксельрод была искренна: когда поносила книгу В. И. Ленина в своей рецензии или когда выступала в 1934 г. на торжественной научной сессии Института философии Коммунистической академии, посвященной двадцатипятилетнему юбилею ленинской работы, произнеся в том числе и следующие слова: «Книга Ленина приобрела колоссальное историческое значение, которое теперь гораздо более видно, чем это мне было видно 25 лет назад»⁷⁶, и, далее, «книга Ленина является концентрацией взглядов диалектического материализма и должна стать знаменем, орудием для борьбы революционного коммунистического пролетариата против всех форм современной буржуазии, в том числе социал-демократической»⁷⁷.

Любопытно сопоставить это со словами из ее рецензии: «Вдумчивый, внимательный и незабывчивый читатель, следивший за философской полемикой различного рода эклектиков-марксистов с ортодоксальными марксистами, сразу заметит, что *по существу*

Ильин не сказал ничего такого, что не было бы высказано раньше последними. Беда, однако, не в том, что в книге Ильина нет новых мыслей: подчас разработка уже высказанного известного взгляда может быть чрезвычайно интересна и чрезвычайно оригинальна, если только она, эта разработка, отличается серьезной, вдумчивой и тонкой аргументацией. Но увы! книга Ильина не обладает такими качествами. В аргументации автора мы не видим ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубокого понимания философских проблем»⁷⁸. Далее Аксельрод две трети рецензии посвящает защите Плеханова от ленинской критики. Любопытен и такой ее пассаж: «Из русских махистов достается от Ильина больше всего П. Юшкевичу. С Богдановым, Луначарским и Базаровым он обращается куда вежливее. Это, должно быть, потому, что в области политики Ильин, подобно всем махистам-большевикам, сам принимал свои ощущения и все свои представления за реальную действительность»⁷⁹.

Опровергать эти утверждения нет необходимости — их отрицала жизнь, да и сама Аксельрод своими словами на юбилейной сессии себя опровергла! Но когда же все-таки она была искренна — в 1909 или в 1934 г.? Мне кажется, и тогда, и тогда. В самом деле, обаяние личности Г. В. Плеханова и его огромный авторитет как теоретика марксизма не могли не сказываться на мирозерцании Л. И. Аксельрод. Не случайно после пзмены Г. В. Плеханова писал В. И. Ленин 10 ноября 1903 г. М. Н. Лядову: «Все наши (кроме двух девиц Аксельрод⁸⁰, верных Плеханову даже в его Treulosigkeit⁸¹) отстраняются от Плеханова...»⁸².

А как же А. А. Богданов? Разгромив его «эмпириомонизм», В. И. Ленин теоретические счеты с ним отнюдь не закончил.

4. «Однажды ошибаясь при выборе дороги...»

Насколько эти слова из стихотворения Валерия Брюсова могут адекватно охарактеризовать воззрения А. А. Богданова? Ответ на этот вопрос распадается на две части: а) как В. И. Ленин оценивал работы и идеи А. А. Богданова; б) что нового может быть добавлено к этой оценке с точки зрения сегодняшнего дня.

Ленин, находясь в ссылке в Шушенском, знакомится с книгой Богданова «Краткий курс экономической науки» и пишет на нее рецензию, опубликованную в журнале «Мир божий» (апрель

⁷³ Бернал Дж. Д. В. И. Ленин и наука // Ленинское философское наследие и современная физика. М., 1981. С. 8—10.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 332.

⁷⁵ См.: Ленин В. И. Соч. 2-е изд. Т. XIII. С. 324—333.

⁷⁶ XXV лет «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленина. 1909—1934 // Тр. науч. сес. Ин-та философии Ком. академии. М.; Л., 1935. С. 176.

⁷⁷ Там же. С. 180.

⁷⁸ Рецензия Ортодокса (Л. И. Аксельрод) на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» («Современный мир», 1909 г., июль, № 7) // Ленин В. И. Соч. 2-е изд. Т. XIII. С. 329.

⁷⁹ Там же. С. 332.

⁸⁰ Л. И. Аксельрод и ее сестра — И. И. Аксельрод.

⁸¹ Вероломство (нем.).

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 322.

1898 г.). К этой книге Владимир Ильич несколько раз возвращается в письмах к близким. Так, 7 февраля 1898 г. он отмечает: «За Богданова *merci*. Прочел уже 1/2. Очень интересно и дельно»⁸³. 14 февраля он вновь возвращается к этой же теме: «Книжку Богданова тоже получил еще раньше; она мне очень понравилась, и я написал о ней рецензию»⁸⁴. К оценке этой книги В. И. Ленин еще раз возвращается в письме к А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. А. Ульяновой 29 мая 1899 г.: «Насчет предложения написать краткий курс политической экономии ты мне раньше ничего не писала. Я решил отказаться от этого предложения: трудно писать по заказу (в частности, трудно конкурировать с Богдановым: почему бы не переиздать его?)...»⁸⁵ Ценность богдановской книги В. И. Ленин видел в следующем: «Выдающееся достоинство „курса“ г-на Богданова и состоит в том, что автор последовательно держится исторического материализма»⁸⁶.

Это была первая заочная «встреча» В. И. Ленина и А. А. Богданова. Вскоре последовала и вторая — в письме матери и брату Дмитрию 20 июня 1899 г. Владимир Ильич писал: «Крайне заинтересовала меня новая книга Богданова („Основные элементы исторического воззрения на природу“, СПб., 1899) — я ее выписал... Очень жалею, что я как-то пропустил объявление об этой книге, когда она вышла. Думаю, что это должна быть дельная вещь...»⁸⁷.

Первый прямой контакт Ленина с Богдановым относится, видимо, к периоду между 28 марта и 19 апреля 1902 г., когда Владимир Ильич пишет письмо⁸⁸ из Лондона в Вологду, где Богданов отбывал ссылку. Во второй половине августа 1904 г. в письме В. Д. Бонч-Бруевичу В. И. Ленин настаивает: «Пожалуйста, примите *все и всяческие меры* для ускорения выхода 1) брошюры Рядового...»⁸⁹. О публикации работ А. А. Богданова идет также речь и в письмах И. С. Виленскому, М. С. Махадзюбу, М. Лейбовичу⁹⁰. Стоит упомянуть и о письмах В. И. Ленина А. А. Богданову в ноябре 1904 г.: 2 ноября (совместно с Н. К. Крупской)⁹¹, 21 ноября⁹². 3 декабря 1904 г. В. И. Ленин вновь обращается к А. А. Богданову (одновременно с Р. С. Землячкой и М. М. Литвиновым)⁹³. «Рядовой», «Сысойка» постоянно фигурирует в переписке Владимира Ильича с Н. К. Крупской, М. М. Литвиновым, Р. С. Землячкой. Речь идет о важной задаче создания русского центра за границей для преодоления раскола партии: «Рядовой работает вовсю, привлек участников...»⁹⁴. В январе 1905 г. В. И. Ленин

пишет А. А. Богданову подробное письмо по поводу большевистского издания «Вперед»⁹⁵.

Хочу обратить внимание на особенности их взаимоотношений в конце 1907 г.— начале 1908 г. В письме М. А. Ульяновой 15 октября 1907 г. из Куоккалы В. И. Ленин писал: «Здесь мы живем с компанией хороших друзей»⁹⁶. Эти друзья — А. А. Богданов, И. Ф. Дубровинский и др. И вот письма А. М. Горькому, написанные в феврале 1908 г.— момент окончательного разрыва с российскими махистами. 2 февраля В. И. Ленин писал: «Мы теперь съехались здесь все трое, посланные из России ставить „Пролетарий“ (Богданов, я и один „практик“ (И. Ф. Дубровинский.— М. П.)»⁹⁷. А в письме А. М. Горькому от 13 февраля Владимир Ильич почти в тех же терминах говорит о редакции «Пролетария» («Ал. Ал., я и „инок“») (т. е. тот же И. Ф. Дубровинский.— М. П.), а в заключение отмечает: «Ал. Ал. сейчас только ушел от меня»⁹⁸, т. е. можно говорить не просто о товарищеских, но даже и о более тесных отношениях. Но вот принципиальное размежевание произошло (об этом речь шла в предыдущем разделе) — непримиримость философских позиций усугубляется политическими расхождениями: А. А. Богданов, как известно, начинает бороться против тактики большевиков, превратившись в одного из лидеров отзовизма. В июне 1909 г. его исключают из партии.

Июньское совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий» — беспощадная борьба с Богдановым. Ленин говорит о «Богданово-Луначарской антимарксистской пропаганде»⁹⁹, о том, что Максимов «создает, откальзываясь от нас, фракцию карикатурных большевиков или божественных отзовистов»¹⁰⁰. 30 августа 1909 г. Ленин пишет письмо ученикам школы на Капри (созданной Богдановым), в котором прямо говорит, что это «есть школа, нарочно спрятанная от партии»¹⁰¹, а ее преподаватели заняты выдумкой «особой философии, которая тем чаще божится словом „пролетарская“, чем дальше она от пролетарского мирозерцания»¹⁰².

Осень 1909 г.— пик борьбы с компанией «обиженных литераторов, непризнанных философов и осмеянных богостроителей»¹⁰³.

В письме А. И. Любимову (начало сентября) Ленин с предельной резкостью излагает свою позицию в отношении Богданова: «...я пишу для „Пролетария“ статью, где третирую прямо *как каналей* эту банду сволочей Максимова и К°...»¹⁰⁴ (Максимов и К°, по ленинскому определению — «шайка авантюристов»). Заканчивается письмо четкой установкой на окончательное размежевание: «На доклад Богданова советовал бы либо

⁸³ Там же. Т. 55. С. 73.

⁸⁴ Там же. С. 76.

⁸⁵ Там же. С. 163.

⁸⁶ Там же. Т. 4. С. 37.

⁸⁷ Там же. Т. 55. С. 166.

⁸⁸ См.: Там же. Т. 46. С. 175.

⁸⁹ Там же. С. 370.

⁹⁰ См.: Там же. С. 377, 380, 382.

⁹¹ См.: Там же. С. 396—397.

⁹² См.: Там же. С. 404—406.

⁹³ См.: Там же. С. 413—415.

⁹⁴ Там же. С. 417.

⁹⁵ См.: Там же. Т. 47. С. 5—9.

⁹⁶ Там же. Т. 55. С. 241.

⁹⁷ Там же. Т. 47. С. 130.

⁹⁸ Там же. С. 137—138.

⁹⁹ См.: Там же. Т. 19. С. 16.

¹⁰⁰ Там же. С. 19.

¹⁰¹ Там же. Т. 47. С. 201.

¹⁰² Там же. С. 202.

¹⁰³ Там же. С. 203.

¹⁰⁴ Там же.

всем не ходить — либо отвечать ему так, чтобы раз навсегда отбить охоту соваться. Это подлая трусость — лезть в чужую фракцию, когда его уже выгнали. Нет ничего вреднее миндальничанья теперь. *Полный разрыв и война сильнее, чем с меньшевиками*¹⁰⁵. В сентябре Ленин пишет большую статью «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства»¹⁰⁶, а в ноябре — краткую заметку «Позорный провал»¹⁰⁷. В ноябре же Владимир Ильич в письме Горькому как бы подводит итог полемике с Богдановым: «То, что Вам и Максиму кажется неискренностью и никчемностью и проч. в „Пролетарии“, объясняется совсем иной точкой зрения на весь современный момент (и на марксизм, конечно). Мы почитай-что два года топчемся на месте, жуя те вопросы, которые Максиму все еще кажутся „спорными“... А разойдясь, мы покажем рабочим ясно, прямо, определено два выхода. Выбор рабочие социал-демократы сделают легко и быстро, ибо тактика хранения (в консервах) революционных слов 05-06 года вместо применения революционного метода к новой, иной обстановке, к измененной эпохе, требующей иных приемов и иных форм организации, эта тактика мертвая»¹⁰⁸.

А. А. Богданов писал также научно-фантастические произведения, пытаясь и таким способом донести до читателей свою идейно-теоретическую платформу. О первом из романов Богданова «Красная звезда» Ленин писал в основном в юмористическом тоне.

А вот о втором — «Инженер Мэнни» — высказался уже более серьезно, написав в письме к Горькому (февраль 1913 г.): «А Богданов скандалит... Нет, с ним каши не сварить! Прочел его „Инженера Мэнни“. Тот же махизм=идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни глупые редакторы в „Правде“ не поняли. Нет, сей махист безнадежен, как и Луначарский...»¹⁰⁹

Говоря о достоинствах и недостатках романов А. А. Богданова, хотел бы отметить как совершенно неприемлемую точку зрения, согласно которой это «романы-утопии о становлении коммунистического общества»¹¹⁰. Как говорится, не дай бог, чтобы коммунизм оказался похожим на тот строй, который описывает в качестве существующего на Марсе Богданов! На мой взгляд, почти с таким же основанием можно было бы объявить оруэлловский роман «1984» хроникой реального социализма. У «Красной звезды» и «Инженера Мэнни» есть литературные достоинства, но совершенно другого плана, и уж наверняка не планировавшиеся автором. Прежде всего романы Богданова предвосхитили многочисленные философские произведения на Западе, имеющие технократическую окраску. Можно прямо сказать, что

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ См.: Там же. Т. 19. С. 74—108.

¹⁰⁷ См.: Там же. С. 131—133.

¹⁰⁸ Там же. Т. 47. С. 224—222.

¹⁰⁹ Там же. Т. 48. С. 161.

¹¹⁰ Сетров М. И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Философские и социологические исследования. Л., 1967. Вып. VIII. С. 58.

всевозможные рассуждения о том, что социальная революция оказывается излишней благодаря революционному характеру новейших технологий, определяющих собой «лицо» научно-технического прогресса, независимо от степени информированности авторов о содержании «Красной звезды» и «Инженера Мэнни», воспринимаются как перепевы поднятых Богдановым проблем. Кстати, выявление подобных параллелей между богдановскими произведениями и воззрениями представителей философии технократизма — интересный предмет для исследования.

Имя А. А. Богданова, кроме философии эмпириомонизма, вызывает еще одну устойчивую ассоциативную связь — это «пролеткульт». По этому поводу им написано очень многое. Богданов много говорит о классовом характере любой науки, он резко противопоставляет культуру, которая уже существует, и ту, которую пролетариат еще должен создать. Так, если просмотреть его небольшую книжечку «Вопросы социализма», то в ней больше всего поражает (после постоянных нападок на позицию Ленина) то внимание, которое Богданов уделяет проблемам культуры. Это буквально один из основных лейтмотивов работы (напомню, что у него немало книг, целиком посвященных этим вопросам): «Необходим поворот к программе культуры. Социализм осуществится тогда, когда старому культурному миру, с его опытом тысячелетий и вполне сложившимися методами, будут противопоставлены не только политическая сила и „хозяйственный план“, а новый мир культуры, с новыми, высшими методами»¹¹¹.

Если бы кто-нибудь сказал А. А. Богданову о том, что его идеи о «противопоставлении» нового мира культуры старому, о «новых, высших методах» и т. п. реально воплотятся в эксцессы «великой пролетарской культурной революции» или в кровавую вакханалию Пол Пота в Кампучии (не важно, знали ли участники этих событий что-либо об идеях А. А. Богданова или нет!), то это прозвучало бы как оскорбление. Но на самом деле, объективно, независимо от желаний, его точка зрения вела к разрушению культуры. «Богданов лично, — писал В. И. Ленин, — заклятый враг всякой реакции и буржуазной реакции в частности. Богдановская „подстановка“ и теория „тождества общественного бытия и общественного сознания“ служит этой реакции. Это — печальный факт, но факт»¹¹².

К сожалению такие «печальные факты» можно найти не только в истории Кампучии. Плевелы зла, посеянные идеями «пролеткульт», дали обильные ядовитые всходы. Насколько бы богаче был литературный процесс в нашей стране, если бы из него не оказались вырванными, например, романы, повести, пьесы М. А. Булгакова. М. Чудакова приводит драматические факты нападок на булгаковскую пьесу «Бег» таких «ревнителей

¹¹¹ Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 73.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 346.

чистоты» пролетарской культуры, как Л. Авербах и В. Киршон. Ф. Раскольников, впоследствии ставший борцом против культа личности, 15 ноября 1928 г. в «Комсомольской правде» выступает с призывом «шире развернуть кампанию против «Бега»»¹¹³.

А теперь — ответ на второй вопрос: что же изменилось в оценке идей А. А. Богданова в результате развития современной науки? Самое главное — это интерпретация богдановской тектологии как теории, предвосхитившей многие идеи кибернетики и системного подхода. Серьезный и, самое главное, в наши дни первый вклад в адекватную оценку трудов А. А. Богданова внес М. И. Сетров¹¹⁴. Исследуют их также А. Л. Тахтаджян, А. И. Уемов, а особенно хотелось бы выделить работы Н. Н. Моисеева¹¹⁵, который пишет: «Одним из открытий А. А. Богданова является обнаружение „относительной бедности“ организационных форм материи. При всем фантастическом разнообразии явлений и процессов материального мира формы их организации весьма часто повторяются. Это открытие имеет большое философское значение, демонстрируя единство окружающего нас мира, единство его архитектурных форм. Понимание этого единства во многом помогает представить общую форму организации материи»¹¹⁶.

Н. Н. Моисеев делает принципиальный вывод в отношении определения ценности идей богдановской тектологии для современной науки: «Вся системная проблематика, поднятая Л. фон Берталанфи и его последователями, практически полностью укладывается в теорию организации А. А. Богданова, но не наоборот. Поэтому-то мне и кажется, что „общая теория систем“ — это известный шаг назад по сравнению с „Тектологией“ А. А. Богданова, которая после смерти автора, к сожалению, так никогда и не переиздавалась на русском языке. И успех работ Берталанфи, относящихся к 50-м годам, во многом объясняется тем, что сочинение А. А. Богданова к этому времени было основательно забыто. Оно появилось слишком рано, когда интерес к подобным проблемам еще не был подкреплен общественными потребностями»¹¹⁷. М. И. Сетров обращает внимание на то обстоя-

тельство, что моделирование (нет нужды напоминать о его значимости для современной науки!) выдвигалось А. А. Богдановым как «основной метод тектологии»¹¹⁸.

Итак, можно говорить о том, что имя А. А. Богданова, как предтечи многих принципиально важных идей, определяющих «лицо» и уровень современного научного познания, сохранится в истории науки. Хотелось бы только обратить внимание на одну деталь. М. И. Сетров, выделив три основные причины отрицательного отношения к тектологии, первой среди них называет «перенесение критического отношения к идеалистическим философским взглядам А. Богданова на нефилософскую его работу»¹¹⁹.

Я все же хочу, даже с риском навлечь обвинения в ретроградстве (М. И. Сетров совершенно прав, говоря, что «после блестящего анализа богдановского эмпириомонизма В. И. Лениным критиковать его различные философские вывихи не так уж трудно»), напомнить еще одну ленинскую оценку идей А. А. Богданова, связанных уже не с «эмпириомонизмом», а с тектологией. В конце 1920 г. В. И. Ленин и Н. И. Бухарин обмениваются записками, поводом для которых послужила публикация статьи В. И. Невского¹²⁰, содержащей критику воззрений А. А. Богданова.

В. И. Ленин, как известно, счел возможным поместить статью В. И. Невского в качестве приложения к «Материализму и эмпириокритицизму» при переиздании этой книги в 1920 г.¹²¹ Н. И. Бухарин же в своей записке высказывает мнение, согласно которому А. А. Богданов, ранее стоявший на точке зрения признания философии, уничтожает ее, заменив тектологией. «Эта постановка вопроса, — считал Н. И. Бухарин, — лежит в иной плоскости, чем эмпириомонистическая. С ней можно спорить, но ее нужно хотя бы понять. А этого minimum'a у Невского нет»¹²². Владимир Ильич ответил Н. И. Бухарину так: «Богданов Вас обманул, переменяв (verkleidet) и постаравшись передвинуть старый спор. А Вы поддаетесь!»¹²³

Поэтому, мне кажется, следовало бы тщательно проанализировать богдановскую тектологию именно через «призму» этой ленинской точки зрения, целенаправленно сосредоточив внимание на прослеживании связей между философией «эмпириомо-

¹¹³ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1987. № 8. С. 80—81.

¹¹⁴ См.: Сетров М. И. Указ. соч.

¹¹⁵ См.: Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество: Проблемы формализованного описания. М., 1982; Тахтаджян А. Л. Тектология: история и современные проблемы // Системные исследования. Ежегодник 1971. М., 1972; Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. С. 36.

¹¹⁶ Моисеев Н. Н. Указ. соч. С. 40.

¹¹⁷ Там же. С. 40—41. У М. И. Сетрова также речь идет о близости воззрений А. А. Богданова и последующих результатов Р. Эшби, М. И. Сетров отмечает и совпадение (или факт большой близости) богдановской «теории подвижного равновесия» и теории открытых систем Л. фон Берталанфи. См.: Сетров М. И. Указ. соч. С. 56—59. Но Н. Н. Моисеев говорит о концепции А. А. Богданова как более общей, «погружающей» в себя результаты Л. фон Берталанфи!

¹¹⁸ Сетров М. И. Указ. соч. С. 58.

¹¹⁹ Там же. С. 51. Две других: непонимание сущности и задач тектологии из-за новизны предмета науки; а также действительно имеющееся влияние «философской позиции автора на его тектологию и прежде всего наличие в последней элементов механизма и релятивизма» (Там же. С. 52).

¹²⁰ См.: Невский В. И. Диалектический материализм и философия мертвой реакции // Ленин В. И. Соч. 2-е изд. Т. XIII. С. 318—324.

¹²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 12.

¹²² Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 456.

¹²³ Там же. С. 292. Во втором издании Сочинений В. И. Ленина (одним из редакторов которого являлся Н. И. Бухарин) статья В. И. Невского также включена в число приложений к работе «Материализм и эмпириокритицизм»!

низма» и идеями всеобщей организационной науки. Это важно отнюдь не в целях обнаружения некоего «криминала» или умаления заслуг А. А. Богданова. Нет, такое исследование позволило бы более глубоко, действительно диалектически проследить творческий путь этого человека, показать и сильные, и слабые его стороны и, может быть, строго выявить, как неверные философские установки воздействуют на научное творчество ученого. Ибо стремление просто отделить научную деятельность от ошибочной философии дает, мне кажется, слишком простую схему: тот или иной мыслитель, ученый «исповедует», разрабатывает сам (попадает под влияние) философию, враждебную марксизму-ленинизму. Потом он, якобы оставив в стороне ложные философские установки, выдвигает ценные научные идеи, совершает открытия и т. д.

На самом же деле процесс взаимодействия философских и научных компонентов в творческой «кухне» ученого гораздо более сложен, запутан, пестр. Проследить путь диалектического противоборства, снятия этого противоречия — задача огромной сложности, но и не меньшей важности. Ибо в случае успешного ее разрешения можно будет не только более адекватно оценить идеи А. А. Богданова, но, может быть, и нащупать подходы к разработке механизма творчества тех ученых, чье миросозерцание находится в явном несоответствии с их научными достижениями и открытиями.

А об имени А. А. Богданова в науке беспокоиться не надо. Оно ему обеспечено уже тем обстоятельством, что умер он, как говорится, дай бог каждому ученому — проводя эксперимент на самом себе. Лучше всего ситуацию можно описать словами Ричарда Львиное Сердце в адрес одного из его врагов в романе «Айвенго» — храмовника Бриана де Боа Гильбера: «Он был храбрый воин и умер в своей стальной броне, как истинный рыцарь»¹²⁴.

Философия и политическая борьба в партии сплели в «тугой узел», навсегда связали три имени — В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. А. Богданов. Да, А. А. Богданов мог бы стать для марксистской философии ее «светочем», но, «однажды ошибаясь при выборе дороги», чуть не превратился во «всепожирающий пламень» (как сказал, разумеется по совершенно другому поводу, один из героев Александра Дюма). Этого не случилось в первую очередь потому, что ленинская критика богдановского «эмпириомонизма» позволила предельно четко показать, что якобы новейшая философия А. А. Богданова не только никак не связана с большевизмом в политике, но принципиально противоречит его методологическим основаниям. Это как раз тот камень преткновения, на котором и «споткнулся» Г. В. Плеханов, который в силу узкофракционных интересов пытался увидеть во

взглядах А. А. Богданова и А. В. Луначарского «философию» партии большевиков.

А нет ли преувеличения в словах о «всепожирающем пламени», реальна ли была опасность, которая могла исходить от богдановского «эмпириомонизма» для марксистской философии? Напомню только о том, какой энергией и неукротимостью характера (в дополнение к несомненным творческим дарованиям) обладал этот человек. В подтверждение сошлюсь на многочисленные примеры его успешной политической деятельности на пользу партии в период после II съезда РСДРП, его участие в третьем съезде, вклад в первую русскую революцию, журналистскую деятельность в редакции «Пролетария» и т. п. Но ведь не меньшая неукротимость проявилась в пропаганде «эмпириомонизма», деятельности в качестве лидера «отзовистов» и одного из идеологов «Пролеткульта».

О силе подобного воздействия очень хорошо сказал Г. В. Плеханов еще задолго до полемики с А. А. Богдановым: «Рассмотрим, однако, поближе тот случай, когда собственные — прошедшие, настоящие или будущие — действия человека представляются ему сплошь окрашенными в цвет необходимости. Мы уже знаем, что в этом случае человек, — считая себя посланником божьим, подобно Магомету, избранником ничем неотвратимой судьбы, подобно Наполеону, или выразителем никем непреодолимой силы исторического движения, подобно некоторым общественным деятелям XIX века, — обнаруживает почти стихийную силу воли, разрушая, как карточные домики, все препятствия, воздвигаемые на его пути Гамлетами и Гамлетиками разных уездов»¹²⁵.

Поэтому В. И. Ленину предстояла нелегкая работа. Образно оценить ее можно словами из стихотворения Константина Симонова, посвященного подвигу советских воинов на горе Баиц-Цаган: «Да, враг был храбр, тем выше наша слава!» И так, В. И. Ленин предотвратил опасность, которая угрожала марксистской философии со стороны богдановского «эмпириомонизма», и можно сказать, что «заслуга» А. А. Богданова заключается в том, что он (в какой-то степени) вынудил В. И. Ленина (в сложное для партии большевиков время!) еще раз обратиться к философии и создать гениальную книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

* * *

В пределах ограниченного объема статьи, конечно, невозможно достаточно подробно рассмотреть все стороны многогранной деятельности и многоаспектного творчества А. А. Богданова; поэтому автор просил бы считать эту публикацию заявкой на дальнейшие исследования философского, литературного и другого наследия этого незаурядного человека.

¹²⁵ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: В 5 т. М., 1958. Т. 4. С. 304.

¹²⁴ Скотт В. Айвенго. Полный пер. СПб., 1894. С. 460.

Темы докладов, рефератов

1. В. И. Ленин как историк философии и науки.
2. В. И. Ленин о Г. В. Плеханове.
3. В. И. Ленин об А. А. Богданове как ученом, философе и политике.
4. Современное значение научного наследия А. А. Богданова.

А. Н. Иезуитов

ПИСАТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ: СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА О Л. ТОЛСТОМ

В современных условиях исторически оправдано выделение возрастающей роли личности, субъекта во всех сферах материальной и духовной жизни. Чрезвычайно велика эта роль в литературе и в искусстве. Без оригинальной творческой личности они, как известно, вообще не существуют. Вместе с тем уже намечается известная крайность, которая может привести к серьезным отрицательным последствиям — теоретическим и практическим. Литература все чаще начинает рассматриваться исключительно как самовыражение личности писателя, его индивидуального мировоззрения и мировосприятия, как художественная самооценочность. Это неизбежно оживляет и стимулирует субъективизм в методологии, ведет к явной односторонности и даже произволу в понимании творчества писателя, особенно обладающего внутренне противоречивой общественно-литературной судьбой. И в данном вопросе методологическое наследие классиков марксизма-ленинизма представляет непреходящую ценность, позволяя глубоко и аргументированно раскрыть диалектически сложные взаимоотношения между субъектом и объектом, писателем и окружающей его и отражаемой им действительностью.

В условиях, когда настоящим «категорическим императивом» нашей жизни становится «правда везде и во всем», методологически наиболее перспективным и действенным путем его реализации в обществоведении является разносторонне и последовательно проводимый при исследовании акцент на реальной действительности как первоисточнике и критерии оценки любого духовного образования, даже самого противоречивого.

Исключительное методологическое значение имеют для нас в этом плане знаменитые ленинские статьи о Л. Толстом. Они дают нам норму и образец того, как следует изучать не только жизнь и творчество великого русского писателя-реалиста, но прежде всего, как именно следует методологически интерпретировать важнейшую для литературной теории и практики проблему «писатель и революция», взятую в самых разных взаимосвязях и аспектах.

Статьи Ленина о Толстом — точнее сказать, цикл статей — представляют собою целостное и в то же время исторически подвижное явление. В каждой статье присутствует общее и особенное, дает себя знать логическая связь между отдельными статьями. Одна органично продолжает и дополняет другую, обнаруживаются особые методологические акценты в истолковании вопросов, сквозных для ряда статей. Наблюдается также известная эволюция внутри цикла: происходит все более отчетливое и последовательное выявление Лениным типологической значимости творческого опыта Толстого и нарастающее ленинское критическое отношение к учению Толстого в связи с развитием отечественного и всемирного революционного движения и динамикой самого времени.

Центральное и определяющее место в цикле по праву занимает открывающая его статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (сентябрь 1908 г.), которая фактически содержит в себе основную проблематику всего цикла. Статья эта написана к юбилею Толстого (80-летию), но лишена какой бы то ни было «юбилейности» в традиционном ее понимании (неумеренные восторги, захваливание, умолчание о слабостях и т. д.). Показательно, что критически объективный характер свойствен и другим «юбилейным» ленинским статьям: «Памяти Герцена» (К 100-летию со дня рождения), «Народники о Н. К. Михайловском» (К 10-летию со дня смерти) и др.

Уже с первых фраз видно, что статья эта — полемическая. Как мы знаем, активное утверждение научной истины в полемике со своими идейными противниками является типичным приемом для работ классиков марксизма («Святое семейство», «Немецкая идеология», «Анти-Дюринг», «Материализм и эмпириокритицизм» и др.), определяя их специфический жанр и структуру. Именно полемичность придает этим работам особую убедительность и доказательность.

Ленинскую статью отличает прежде всего наступательно-утверждающий, а не оборонительный характер в полемике. Ленин не просто опровергает неверные, с его точки зрения, взгляды, а начинает с того, что смело, решительно и даже неожиданно дерзко выдвигает в противовес им свою, глубоко оригинальную и сознательно заостренную, концепцию, что сразу же привлекает к ней повышенное внимание читателя, будит его собственную мысль и неотразимо убеждает именно своей неожиданностью.

«Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исто-

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Е. Ф. Солопов	
Проблема единства диалектики и материализма, диалектического и исторического материализма	7
В. Н. Боряз	
Диалектика как способ решения методологических проблем науки	43
Л. В. Орлова	
Человеческий фактор перестройки (методологический аспект)	57
М. Н. Перфильев	
Теория общественных отношений: принципиальные основы и современные проблемы	69
А. Мелентьев	
Ленинская методология исследования империализма и новые задачи изучения развивающегося социализма	106
А. Н. Аверьянов	
О многообразии и эволюции форм социалистической собственности	122
Э. Ф. Володин, В. А. Попков	
«Не смейте командовать!»: В. И. Ленин о путях и способах перехода крестьян к социализму	138
М. И. Панов	
Почему плехановская критика А. А. Богданова не сработала?	146
А. Н. Иезуитов	
Писатель и революция: статьи В. И. Ленина о Л. Толстом	174
А. С. Мельничук	
К. Маркс и развитие современного языкознания	187
В. И. Жог, В. А. Канке	
Методологическое значение учения Маркса о времени для современной науки	202
В. Ф. Генинг	
Проблема «начала науки» и построение научной системы археологии	221
Л. В. Митникова	
Принцип единства редукционизма и целостности: значение идей Ф. Энгельса для современной биологии клетки	238
Заключение	252